

УДК 821.161.1:929 Пелевин

Е. А. Титаренко

**ГИПЕР- И МЕТАТЕКСТОВЫЕ МАРКЕРЫ В ПРОЗЕ В. ПЕЛЕВИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАННИХ РАССКАЗОВ)**

О. О. ТИТАРЕНКО. ГИПЕР- ТА МЕТАТЕКСТОВІ МАРКЕРИ В ПРОЗІ В. ПЕЛЄВІНА (НА МАТЕРІАЛІ РАННІХ ОПОВІДАНЬ).

У статті розглянуто особливості функціонування метатекстуальної поетики в гіпертекстовому просторі прози В. Пелевіна, зокрема, проаналізовано міжтекстові зв'язки оповідань В. Пелевіна «Реконструктор (Про дослідження П. Стецюка)», «Одкровення Крегера (Комплект документації)», «Зброя відплати» та «Музика зі стовпа». Особливу увагу приділено питанню рефлексії над мовою, розмові про лінгвістичну обумовленість свідомості, проблемі фікціоналізації історії.

Ключові слова: метатекст, гіпертекст, цикл, міжтекстові зв'язки, слово.

Е. А. ТИТАРЕНКО. ГИПЕР- И МЕТАТЕКСТОВЫЕ МАРКЕРЫ В ПРОЗЕ В. ПЕЛЕВИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РАННИХ РАССКАЗОВ).

В статье рассмотрены особенности функционирования метатекстуальной поэтики в гипертекстовом единстве прозы В. Пелевина, в частности, проанализированы межтекстовые связи рассказов В. Пелевина «Реконструктор (Об исследованиях П. Стецюка)», «Откровение Крегера (Комплект документации)», «Оружие возмездия» и «Музыка со столба». Особое внимание уделено вопросу рефлексии над языком, разговору о лингвистической обусловленности сознания, проблеме фикционализации истории.

Ключевые слова: метатекст, гипертекст, цикл, межтекстовые связи, слово.

O. O. TITARENKO. HYPER- AND METATEXT MARKERS IN THE PROSE BY V. PELEVIN (ON THE MATERIAL OF THE EARLY STORIES).

The peculiarities of the functioning of the metatextual poetics in the hypertextual unity of V. Pelevin's prose are considered in the present article. In particular, intertextual connections between V. Pelevin's stories "Reconstructor (About the P. Stetsjuk's Researches)", "Kreger's Revelation (The Documentation Set)", "Weapons of Retaliation" and "Music From The Column" are analyzed. Special attention is paid to the question of reflection on language, to the conversation about the linguistic conditionality of the consciousness, to the problem of the fictionalization of history.

Just as spaces of the analyzed stories are intertwined, many others Pelevin's texts, that exist as if they were in a certain virtual world in the form of the prepared parts of the large integral construction, that realizes gradually, are connected. The writer creates the hypertext from the connected by the common heroes, plot sequels and prequels, author's inventions, metatextual intentionality works.

The peculiarities of the interpenetration and the intersection of the diffusive structure of the stories that were chosen for the analysis are demonstrate the model of the hyper- and metafictionality that is productive for much more extensive volumes of Pelevin's metatextual writing. Paradigmatic for author's intentionality series of the markers-reflexives, that transfer the pragmatic of the statements into the mode of the metatext, are identified obviously. The close dependence of the functionality of the metanarrative and metafictional appeals on the typological hypertext connections in the context of the project author's thinking is determined.

Key words: metatext, hypertext, cycle, intertextual connections, word.

Возможность объединения прозаического наследия В. Пелевина в нерасчленимое целое возникает за счет обнаружения в текстах устойчивых мотивов, центральных сюжетобразующих констант, общих формально-структурных повествовательных схем. Нередко элементы сюжета одних текстов в свернутом виде содержатся в других, истории получают продолжение или наделяются предысторией в контексте «анахроничного» проекта писателя. Отдельные тексты оформляются в целые, зачастую формально не выделенные циклы на основе тематической, сюжетной или мотивной общности, наличия «мигрирующих» в пределах общего художественного мира персонажей.

Исследователи творчества В. Пелевина указывают на наличие тесной связи между произведениями писателя, образующими «единый “метароман”», в котором «различные сюжеты и обстоятельства действия не мешают видеть наличие единой инварианты» [5], обращают внимание на «зарифмованность» [4, с. 97] пелевинской прозы, ее циклическое единство [6]. Однако, несмотря на то, что симптоматичные для творчества Пелевина межтекстовые связи с очевидностью выявляются различными литературоведами, они не подвергаются достаточной аналитической рефлексии.

В данной статье исследование мета- и гипертекстуального аспекта прозы В. Пелевина будет локализовано в рамках анализа ранних рассказов писателя «Реконструктор (Об исследованиях П. Стецюка)», «Откровение Крегера (Комплект документации)», «Оружие возмездия» и «Музыка со столба», составляющих своеобразный цикл.

В «Реконструкторе» повествователь-редактор с большой долей иронии и скепсиса рецензирует малоинтересную и скучную, с его точки зрения, книгу П. Стецюка «Память огненных лет», посвященную открытию после рассекречивания военных архивов исторической «правды» о подлинной личности мистифицированного Сталина, по уточнению нарратора, – правителя России Иосифа Сталина (однако по отчеству Андреевича, родившегося в 1894 году). Рецензент советует не читать ненужное исследование и уверяет одновременно, что книгу стоит все-таки прочесть.

Повествование оформлено в псевдонаучном стиле, от лица исследовательского «мы». В. Пелевин активно задействует в тексте арсенал «набоковских» приемов. Так, например, нарратор цитирует отрывки из вымышленной книги фикционального автора П. Стецюка, полемизирует с его выводами, иронизирует над стилем, шаблонно-метафоричной манерой высказываний (и стереотипностью читательского восприятия): «*Настоящий Сталин, долгие годы державший в руках рычаги управления страной (так и видишь эти рычаги – черные, с пластмассовыми круглыми набалдашниками. – Примеч. ред.) <...>*» [2, с. 206] (выделение В. Пелевина). Повествователь-редактор позволяет себе помещать в чужую цитату собственные издевательские замечания-насмешки, открыто демонстрируя негативное (неоправданно) отношение к рецензируемой книге: «*Но ведь известно, спросит удивленный читатель (никто ничего не спросит. – Примеч. ред.) <...>*» [там же].

Несмотря на неправдоподобность излагаемой в «Реконструкторе» «правды», обилие конкретных деталей, дат, фамилий, адресов, ссылок на архивы и шифры документов создает иллюзию достоверности приводимых «фактов». Таким образом, откровенная выдумка начинает претендовать на статус «реального» исторического события, а ранее функционировавшие документально подтвержденные доказательства лишаются своей удостоверяющей силы, опровергаются новыми псевдофактами.

Пелевин работает с современными мифами и читательским сознанием, жаждущим приобщиться к фантастической тайне. Автор создает альтернативную историю, ломает логику причинно-следственных связей известных всем событий внетекстовой действительности в насмешку над гипотетической возможностью подобного проекта, в то же время демонстрируя неограниченную власть художественного дискурса над реальностью. Само повествование становится иллюстрацией профессионального применения способов и методов фальсификации любого факта, призванных разрушить границу между действительностью и вымыслом.

Главное открытие, сделанное автором «Памяти огненных лет» после изучения рассекреченной документации минского радиозавода, изготовившего некую таинственную стальную трубку, спровоцировавшую своим появлением череду расследованных П. Стецюком абсурдно-гротескных смертей, заключается в доказательстве существования вместо одного Сталина целых семи его двойников, живших в изолированном от мира подземелье. Повествователь, вслед

за автором книги, называет их имена и периоды правления, описывает отдельные факты их скудных биографий, прослеживает влияние подземных пьяных дебошей на события в стране.

Так, среди живших в бункере Сталиных был Никита Хрущев: внешний наземный двойник перехитрил «подлинного» Хрущева, залив бетоном подземелье вместе со всеми его обитателями, и продолжил правление под чужим именем. Также страной управлял некий Сероб Налбандян (с 1932 по 1935). Некоторое время роль руководителей играли трое «собутыльников», случайно добравшихся до власти.

Важной деталью оказывается наличие у Сталиных духовой трубки, стрелявшей отравленными иглами (той самой, сделанной минским радиозаводом, из-за которой уже по непонятным для современников причинам, по некой пугающей своей нелогичности инерции продолжают гибнуть люди).

Обилие версий и предположений, продуцируемых повествователем «Реконструктора» о книге П. Стецюка, лишь еще больше запутывает читателя, удаляя от истины, проблематизируя статус рецензируемого текста. В финале рассказа повествователем, намекавшим на вымышленность «Памяти огненных лет» (а возможно, и собственного текста): *«давно известно, что нет никаких книг – есть только истории их написания»* [2, с. 202], дается умножающая неопределенности метафизическая трактовка всего описанного.

Примыкает к «Реконструктору» рассказ «Оружие возмездия». Этот текст – очередное в творчестве Пелевина исследование особенностей протекания когнитивных процессов в коллективном сознании. В произведении актуализируется тема лингвистической обусловленности сознания и роли субъекта в определении степени реальности объектов действительности.

Очевидно, что описание Сталина как человека, наливающего подчиненным штрафной стакан за опоздание на вечернее совещание, а также упоминание приближенного к вождю *«пьяного типа»*, плюнувшего в маршала *«стальной оперенной иглой из духовой трубки»* [3, с. 148], отсылают читателя к образам трех «собутыльников»-Сталиных из «Реконструктора».

Идейно-тематическая связь текстов подтверждается наличием в «Оружии возмездия» цитаты *«из малоинтересной в целом работы некоего П. Стецюка “Память огненных лет”»* [3, с. 151]. Как и нарратор «Реконструктора», повествователь «Оружия возмездия» (вероятно, одна и та же сущность), не аргументируя свою субъективную оценку работы цитируемого автора, характеризует *«развязный тон и неумные обобщения П. Стецюка»* [3, с. 152] как *«возмутительные»* и *«отвратительные»*, однако отдельные мысли считает заслуживающими внимания. Если смотреть объективно, эти «мысли» – квинтэссенция идейной сути всего рассказа: *«Реальность словам придают люди»* [3, с. 152], без того, кто совершает «сакральный» обряд номинации-порождения, названное словом не существует. Эту «суть», главное послание, Пелевин не позволяет себе проговорить открыто, буквально – во многих произведениях писатель использует систему подставных нарраторов, авторских масок (например, в романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня»), снабжает произведения негативными критическими отзывами, рецензиями или самоуничижительными автокомментариями героев по отношению к собственным текстам (*«есть длинное и подробное вступление, есть заключение, но почти отсутствует повествовательная часть, вместо которой читателя ждет несколько страниц моих шатких рассуждений, отдающих научпопом»* [1, с. 5]), тем самым редуцируя пафос серьезности (о важном нельзя говорить всерьез и прямо), а также максимально дистанцируясь от написанного героями, в большей степени фикционализируя текст и акцентируя внимание на необходимости поиска подлинного автора. В свою очередь, авторская игра с нарративными инстанциями и фикциональными вставками (рецензиями, цитатами, комментариями и пр.) повышает степень метатекстуальности произведений, актуализируя разговор о словах.

Оружие возмездия в одноименном рассказе – симулякр, сконструированный из нагромождения метафор вокруг пустого центра. То, что физически отсутствует, однако имеет множество метафорически-описательных названий, не имея при этом подлинного имени, порождается, гипостазирована в результате коллективной веры в его существование: *«Когда множество людей верит в реальность некоего объекта (или процесса), он начинает себя проявлять»* [3, с. 153].

Выбор метафоры, замещающей отсутствующее название оружия смерти, несколько сужает безграничное поле интерпретационных вариаций, объективизирует представление о том, что не может иметь визуального образа, поскольку не существует даже в виде «идеи». Напри-

мер, уподобление оружия копьём Вотана предполагало возникновение у обывателя образа рядов невероятной мощности, метафора «меч Зигфрида» наталкивала на мысли о бомбе, а сообщение, что «огнеглазые Валькирии Рейха вот-вот обрушат на агрессора свое священное безумие» [3, с. 141] порождало ассоциации с лучами или психическим газом.

Несмотря на то, что «оружие возмездия» – это лишь сочетание слов, не имеющих референции, метафорическое оружие, существующее в сознании людей, оказывается способным выполнять свою функцию – активно менять (разрушать) реальность.

Размышляя о «принципах равновесия», повествователь вновь (в контексте пелевинской прозы) сталкивается с очередной неизбежной неразрешимостью: отражение в зеркале несуществующей свечи должно ее породить, сделать вещественно данной, однако в реальном пространстве симуляция физического объекта без самого объекта невозможна. В этом смысле уникальной способностью наделены слова. Они обладают могуществом произвести симулякр, который в результате должен породить то самое «отражаемое», оригинал, с которого снята копия: «с появлением и распространением слухов об оружии возмездия оно возникает само» [3, с. 153].

В рассказе «Откровение Крегера (Комплект документации)» продолжается фикционализация истории. Формально произведение – официальная переписка (читатель видит рапорты, служебные записки, протоколы, расшифровки магнитофонных записей) между рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, младшим имперским магом Крегером, главным реконструктором И. Вульфом и др.

События русской революции рассматриваются персонажами сквозь призму литературы. Буквальное понимание названия работы Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» (в рассказе это донесение майора фон Леннена) приводит к строительству в Ясной Поляне огромного рефлектора, а также изданию собрания сочинений Толстого с варьированным тиражом каждого тома.

К «Реконструктору» (и, соответственно, «Оружью возмездия») отсылает единственная фраза – уточнение Вульфа, о каком именно Сталине идет речь: «в настоящее время предположительно – Сероб Налбандян» [3, с. 131]. Таким образом, пространство всех трех рассказов оказывается единой реальностью; перекрестные ссылки призваны удостоверить правдивость каждой истории.

Одновременно именно этот рассказ проблематизирует статус анализируемых текстов. Генрих Гиммлер спрашивает у Эрнста Кальтенбруннера: «Вам никогда, случайно, не снилось, что вы едете в кузове ободранного грузовика неизвестно куда, а вокруг вас сидят какие-то монстры?» [3, с. 135–136]. Этот вопрос – аллюзия на рассказ «Музыка со столба». Согласно логике пелевинской неоднозначности, Гиммлер может быть Матвеем, наевшимся вместе с товарищами мухоморов, а вся реальность рейхсфюрера – галлюцинацией героя рассказа «Музыка со столба». В то же время путешествие Матвея представляется возможным интерпретировать как сон Гиммлера. Однозначный ответ на вопрос, какое из художественных пространств «реальнее», принципиально отсутствует.

В «Откровении Крегера» все изложенные в официальной документации «безумные» теории также, во избежание однозначного прочтения, дискредитируются рассказом Эрнста о Крегере и Вульфе, пивших с советскими перебежчиками две недели.

Рассказ «Музыка со столба» начинается с чтения главным героем, Матвеем, фрагмента изложения основных идей доклада американского физика о возможности существования в пространстве точек, одновременно находящихся в нескольких «эволюционных линиях» и являющихся как бы их пересечением: «переход через такую точку приведет к тому, что вместо события “А 1” области “А” начнет происходить событие “Б 1” области “Б”. Но событие, происходившее в области “А”, теперь будет событием, происходящим в области “Б”» [3, с. 105].

Приведенная цитата является своеобразным метакомментарием к идейно-композиционной структуре рассказа, в котором сознание героя раздваивается: Матвей превращается в Гиммлера, оставаясь при этом самим собой. Изменение восприятия героем себя неизбежно влечет трансформацию пространства. Таким образом, «области» «А» и «Б» предстают в виде некоего единства (субъектного, хронотопийного).

Данный метакомментарий представляется возможным распространить на рассказы «области» «Музыка со столба» и «Откровение Крегера» и таким образом снять необходимость определения «первичного» текста.

На обратной стороне обрывка журнальной страницы, читаемой Матвеем, также помещается текст: «...первый отдел Минздрава; в чуждой стране – свою. Интеллигент...» [3, с. 106]. Парадоксальным образом данный бессмысленный отрывок органично встраивается, как кусочек паззла в положенное ему место, в «лирическое отступление» повествователя о Штирлице, начинающееся с неатрибутированной цитаты из «Мертвых душ» Н. Гоголя: «Какой русский не любит быстрой езды» [3, с. 113].

Чтение героем фрагмента будущего повествования о нем самом окончательно дезориентирует читателя в причинно-следственной логике повествования. Событиям вменяется еще одна интерпретационная возможность – метатекстуальная (все происходящее – художественный текст).

Подобно тому, как переплетены пространства проанализированных рассказов, связаны и многие другие тексты Пелевина, существующие будто в некоем виртуальном мире в виде заготовленных частей огромной цельной конструкции, реализуемой постепенно. Писатель создает гипертекст из произведений, связанных между собой общими героями, сюжетными сиквелами и приквелами, авторскими инвенциями, но главное – метатекстуальной интенциональностью. Перспективным видится дальнейшее исследование отдельных составляющих авторского метатекстуального проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пелевин В. Любовь к трем цукербринам / Виктор Пелевин. – М.: Эксмо, 2014. – 448 с.
2. Пелевин В. Принц Госплана / Виктор Пелевин. – М.: Эксмо, 2011. – 320 с.
3. Пелевин В. Relics: Ранее и неизданное / Виктор Пелевин. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.
4. Полотовский С. Пелевин и поколение пустоты / Сергей Полотовский, Роман Козак. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 232 с.
5. Тульчинская Н. И. Проблема творчества В. Пелевина: семиотика текста [Электронный ресурс] / Н. И. Тульчинская, Т. В. Ананина // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. – 2006. – № 2. – Режим доступа: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/6/229/>.
6. Щучкина Т. В. Циклическое единство малой прозы В. Пелевина (сборник рассказов «Синий фонарь») / Т. В. Щучкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – Сер. 3. – Вып. 9. – С. 116–121.

(Статья поступила в редакцию 24 октября 2016 г.)